ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
RESEARCH ARTICLE

CC BY

БАТЫРЕВА Светлана Гарриевна
доктор искусствоведения, профессор,
Калмыцкий государственный университет
имени Б. Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация
sargerel@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4268-0705

УДК/UDC 745.51(=512.37):[24-5 + 392](517.3-15)
ГРНТИ 18.91
ВАК 5.10.1.
https://doi.org/10.36343/SB.2026.45.1.002

Фольклорные и буддийские мотивы резьбы по дереву в обрядовой культуре ойратов Монголии

Аннотация. Цель исследования – выявление динамики развития художественных традиций резьбы по дереву в культовой утвари ойратов Монголии на примере ритуальных ковшей-кропителей цацал. Материалами послужили музейные экспонаты из собраний России и Монголии, а также полевые данные автора, собранные в Западной Монголии в начале XXI в. Проведен структурно-функциональный анализ резных ковшей у этнических групп захчинов и дербетов, сопоставлены художественные особенности изделий этих групп. Выявлена эволюция образного мышления под влиянием буддизма, который органично вобрал древние анимистические верования. Доказано, что локальное своеобразие цацал связано с родоплеменной принадлежностью: для захчинов характерна уплощенная ярусная резьба с тамгообразными знаками, а для дербетов – объемный рельеф с буддийской символикой и письменностью тодо бичиг. Установлено сохранение целостности традиционного мировидения, в котором фольклорные и канонические элементы сосуществуют в едином художественном образе.

Ключевые слова: Монголия, ойраты Монголии, декоративно-прикладное искусство, художественная обработка дерева, резьба по дереву, цацал, ритуальные ковши-кропители, буддийская символика.

© Батырева С. Г., 2026

В условиях глобализации и сопутствующей ей унификации культурных практик традиционные ремесла и декоративно-прикладное искусство многих народов мира сталкиваются с угрозой исчезновения. Возрастающие риски утраты бесценных произведений актуализируют задачи их научного описания, комплексного изучения и последующего сохранения. Особенно актуальна эта проблема для кочевых цивилизаций Центральной Азии, испытывающих активное влияние процессов урбанизации, на фоне которых ремесленные навыки и сакральные знания, к сожалению, постепенно перестают передаваться. Между тем художественное ремесло, тесно связанное с укладом скотоводческого хозяйства, выступает матрицей бытия, сохраняющей в предметах среды самобытное мифопоэтическое видение мира. Народное творчество ойратов Монголии, рассматриваемое через призму преемственности традиций, представляет особый интерес при осмыслении генезиса культуры и искусства калмыков России.

Исследование декоративно-прикладного искусства ойратов необходимо также для выявления механизмов сохранения этнокультурной идентичности и адаптации древней художественной традиции к современным условиям. Особенное значение здесь имеет исследование резьбы по дереву, занимавшей совершенно особое, можно сказать, центральное место в духовной и ритуальной культуре народа: именно деревянные предметы, используемые в самых важных обрядах, выступали у ойратов главными носителями сакральной символики. Представляется, что понимание особенностей взаимодействия дошаманских (тамговых) и буддийских мотивов в произведениях ойратских мастеров-резчиков позволит разработать эффективные стратегии ревитализации традиционного искусства и интегрировать локальное наследие в глобальную палитру мировой культуры.

При изучении пластического фольклора необходимо учитывать, что сдерживающим фактором в науке долгое время было замещение искусствоведческого анализа этнографическим подходом [21] [27], «сужающим ракурс изучения до историко-гуманитарного использования в позднем осознании масштаба культурной и художественной ценности феномена...» [14, с. 3]. Таковым представляется прикладное искусство кочевников Центральной Азии в исследованиях монгольских авторов [28] [29] [30] [31]. При характеристике традиционного уклада хозяйства народов, объемлющего разнообразие видов пластического фольклора, как правило, применяется описательный обзор без углубления в специфику художественного ремесла и традиций декора. Это можно отметить в трудах Б. Ринчена [19], Д. Майдара [17] и других исследователей Монголии.

Изготовление и узорная обработка войлока рассмотрены в фундаментальном труде Л. Батчулууна [31], монографии «Монгольские ковры...» Ц. О. Батсайхана, Н. П. Бесчастнова [2], публикациях Д. Гантулги [10] [11]. Труды М. Амгалана [28], Б. Баасанхуу [29], Б. Баатархуу и Д. Одсурэна [30], Б. Эрдэнэцэцэг [35] представляют культуру ремесленного производства ойратов Монголии. Внимание орнаментальному декору изделий народного искусства уделяют исследователи Н.-О. Цултэм [24], Б. Батсюке [36], Ч. Баярма [33], С. Батырева [4] [5] [6] [32].

Традициям прикладного творчества монгольских народов посвящены исследования П. П. Хороших [23], К. В. Вяткиной [8]. В этногенетическом аспекте развития культуры народов Центральной Азии тамги и знаки Монголии рассмотрены Б. И. Вайнбергом и Э. А. Новгородовой [7], орнамент – в фундаментальном исследовании С. В. Иванова [12]. В сравнительном ключе декоративно-прикладное искусство монголов, бурят, калмыков представлено в монографии искусствоведа Н. В. Кочешкова [16], описавшего традиции художественной обработки кожи и войлока, дерева и металла, ткани в узорном декоре предметов бытовой среды. Отметим, что впервые культурное наследие номадов осмысливается в философском концепте учения *арга-билиг*, которое позволяет обобщить исследование образного мировидения [10] [22].

Подводя итоги обзора степени изученности проблемы, можно отметить, что, несмотря на обилие этнографических описаний быта и ремесла монгольских народов, искусствоведческое исследование резьбы по дереву ой-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE VEKOV
2026 NO. 1

ратов Монголии, которое бы учитывало динамику перехода от архаических тамгообразных форм к буддийской символике, до настоящего времени не предпринималось. Существующие работы, к сожалению, ограничиваются описательным обзором или рассматривают декор изолированно от эволюции образного мышления. Из-за этого проблемы стилистической выразительности и локального своеобразия культовых изделий остаются нераскрытыми, а процесс преемственности традиций не может быть в полной мере зафиксирован в своем единстве, сохранявшемся на протяжении многих веков.

Цель проведенного исследования заключается в выявлении динамики развития художественных традиций резьбы по дереву в культовой утвари ойратов Монголии (на примере ритуальных ковшей-кропителей *цацал*) через междисциплинарный анализ сочетания тамгообразных и буддийских мотивов. Непосредственно с данной целью связано определение стилистической выразительности и своеобразия изделий этнических групп захчинов и дербетов Западной Монголии, которое позволит охарактеризовать эволюцию образного мышления этноса.

Основным объектом изучения стали деревянные ритуальные ковши-кропители *цацал* разных ойратских групп. Материалами исследования послужили уникальные произведения прикладного искусства, хранящиеся в собраниях музеев России и Монголии. В частности, описаны и атрибутированы экспонаты из фондов Национального музея Республики Калмыкии имени Н. Н. Пальмова, Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований (КалмНЦ) РАН с привлечением материалов Российского этнографического музея и музейных коллекций Монголии [6] [5] [3]. Помимо музейных предметов, источниковую базу изучения народного творчества ойратов также составляют полевые материалы, собранные автором в ходе научно-поисковой экспедиции в Западной Монголии (аймаки Ховд и Увс) [18]. Важное значение имели опубликованные труды и альбомы по монгольскому орнаменту, включая работы Л. Батчулууна [31], Ц. О. Батсайхана и Н. П. Бесчастнова [2], М. Амгалана [28] и других исследователей.

Отметим, что искусствоведческое прочтение традиционного декоративно-прикладного искусства оформляется в последней трети XX в. и предполагает включение в методологию семиотического и философского базиса искусства. «Народное искусство хранит тип образной информации древнейшей эпохи в родовых, сакральных, обрядовых мировоззренческих установках, несущих идею благополучия… раскрывающей выразительными средствами в народном искусстве Образ мироздания. …Фольклорные традиции в искусстве одухотворяют календарно-производственную обрядность бытия. Обряды жизненного цикла традиционного общества несут мифопоэтику фольклора, влияющую на профессиональное изобразительное и декоративно-прикладное искусство Нового и Новейшего времени» [14, с. 4].

Соглашаясь с этим, важно подчеркнуть: прикладное искусство ойратов, выступая «опредмеченным самосознанием культуры», представляет художественные традиции тамгово-орнаментального декора, требующие в изучении комплексной методологии, сочетающей приемы искусствознания с подходами научных дисциплин – истории, этнокультурологии, социологии, философии. При изучении прикладного творчества последней трети XX – начала XXI в. искусствоведы включают в методологию мировидения семиотический и философский базис искусства монгольских народов [3] [6] [15]. Образная информация о культуре предков, сохраняемая в родовых, сакральных мировоззренческих установках, сберегает в ритуальных действиях традиционное бытие номадов. Обрядовые предметы несут архетип мифологического мышления как исходное начало в развитии искусства [25] [26], оформляющееся в этнической выразительности произведений.

Междисциплинарный подход комплексного исследования реализуется также за счет использования структурно-функционального и сравнительного анализа художественных традиций, позволивших предметно вычленить знаковую суть явлений народного декоративно-прикладного творчества и вы-

явить динамику, направление, ритм и формы развития народного искусства.

В начале нашего исследования необходимо обратиться к рассмотрению конкретных памятников – ритуальных деревянных ковшей-кропителей *цацал*, бытующих у ойратских групп захчинов и дербетов в аймаках Ховд и Увс. Далее предполагается сопоставить художественные особенности изделий этих этнических групп и выявить динамику эволюции образного мышления под влиянием буддизма, который вбирает древние анимистические верования. Затем следует выявить и подчеркнуть сохранение целостности традиционного мировидения, сочетающего фольклорные и канонические элементы в едином художественном образе, а также отразить значение междисциплинарного подхода, который позволяет раскрыть знаковую суть наследия и репродукцию мифопоэтической модели мира в произведениях декоративно-прикладного искусства ойратов Монголии.

Научная значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в решение более крупной проблемы взаимодействия дошаманских (анимистических) и буддийских художественных традиций в культуре кочевых народов Центральной Азии. Динамика перехода от плоскостной тамгообразной резьбы к объемной буддийской символике позволяет моделировать общие закономерности эволюции образного мышления при смене мировоззренческих парадигм и фиксировать механизмы культурной преемственности. Кроме того, предложенная и апробированная в работе междисциплинарная методология, сочетающая приемы искусствознания с подходами семиотики, истории, этнокультурологии и философии, может быть применена к изучению пластического фольклора других регионов и народов, что, как кажется, имеет принципиальное значение для развития теории народного декоративно-прикладного искусства и для разработки критериев атрибуции памятников традиционной художественной культуры.

* * *

Следует заметить, что при осмыслении пластического фольклора номадов важно рассматривать «традиционный тип культуры как *фольклорный* пласт, связанный с историческим этапом родоплеменной общности людей, и позднее *канонический* тип художественной культуры, соответствующий фазе развития народности» [13, с. 19] (курсив наш – *С. Б.*). В этот разностадиальный контекст наследия укладывается творчество, воплощающее определенный образ мира и человека в традиционной культуре и искусстве [20]. Хозяйственно-прикладная деятельность в обрядах жизненного цикла ойратов Монголии одухотворена. Изделия культового назначения покрывает художественная резьба по дереву. Среди них обрядовая утварь, к которой относятся многообразные в своем узорном декоре предметы, изготовление которых распространено на территории аймаков Ховд и Увс Западной Монголии.

К особой сфере применения дерева в культуре ойратов относятся ритуальные ковши *цацал* для кропления молоком. Культовый ритуал духам предков призван оберегать очаг и благосостояние семьи. Кропят стремя уезжающего из дома, желая ему скорого и благополучного возвращения. Возлияние молоком сопровождает поднесение *дееж*, первой порции свежесваренного чая и иной белой/молочной пищи, предназначенной Небу и Матери-Земле. Древний обряд поклонения одухотворяемой Природе окрашен анимистическими верованиями и находит образное воплощение в мотивах декора изделий.

Жертвенные ковши-кропители по традиции вырезают из дерева, предпочитая хвойные породы и можжевельник, произрастающие в гористой части многообразного ландшафта Западной Монголии. Деревянные изделия весьма различны в плане трактовки пластического объема: от достаточно простой уплощенной формы до затейливо усложненной структуры произведения. Ковши в своей конструкции, как правило, имеют квадратной формы кропильник с девятью емкостями-углублениями для жертвенного подношения молока и рукоять, украшаемые резьбой. Мотивами резного декора могут быть космический символ *наран-сар,* свастика *хас,* сакральная плетенка *ульзий* и обязательно родовые *тамги*, пришедшие из древних анимистических культов ойратов.

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

Рис. 1. **Кропильник цацал** (фото М. Амгалан, 2000 г.). Западная Монголия, аймак Увс, сомон Давст, дербеты. XX в. Дерево, резьба, тонирование. Источник: [28]. Копирайт 2000, Монсудар. Воспроизводится в научных целях в объеме цитирования

Fig. 1. **Tsatsal sprinkler** (drawing by M. Amgalan, 2000). Western Mongolia, Uvs aimag, Davst soum, Derbets. 20th century. Wood, carving, toning. Source: [28]. Copyright 2000 by Monsudar Publishing. Used under fair use

Кропление из ковшей с тринадцатью углублениями используется при обращении к духам гор Алтая. Ритуал производится с целью умилостивления Хозяев местности, духов тринадцати гор монгольского Алтая. Число 13, прослеживаемое в эпическом наследии монголов, является древним знаком поклонения Природе в многослойной структуре мироздания и символизирует совершенство и целостность его явлений, имеющих важное значение в символическом обряде исполнения тех или иных желаний, отмечают монгольские исследователи [34, с. 234–236]. В ряду декорированных изделий интересно отметить ковш, лаконично ограниченный емкостью с девятью круглыми углублениями и палкой-рукоятью без декора (Рис. 1) [28, с. 146]. Вылитый в бронзе кропильник предназначен лошади, без которой трудно представить мобильное бытие кочевников.

Своеобразен выразительный декор культовых изделий *захчинов.* Родоплеменная общность, проживающая в пограничных областях Западной Монголии, вобрала в свой состав многие этнические группы ойратов. В большинстве своем они проживают в сомоне Манхан аймака Ховд, где работали известные резчики по дереву. От личности мастера, его профессионализма и творческой фантазии зависят своеобразие формы и резного узора изделий. Самобытным характером исполнения отличается кропитель *цацал* мастера Жигмедийн Цевега из сомона Зерег аймака Ховд (Рис. 2) [28, с. 146]. Изделие сочетает целостность круглой, овальной и квадратной форм ковша с девятью углублениями выемчатой пирамидальной формы. Узорный геометрический декор в основном включает: восьмилепестковый цветок лотоса *цэцэг*, плетенку счастья *ульзий* двух вариантов и пятиконечную звезду. Все это вписано в причудливую форму рукояти, напоминающую очертаниями плавники и хвост рыбы и имеющую на конце круглое отверстие для подвешивания на решетку юрты. Отметим, что рельефная резьба нижней части изделия несет выраженный отпечаток добуддийских мотивов линейной выразительности. И это определяет уплощенную и ярусную структуру резного декора ритуальных ковшей *цацал,* в котором превалирует традиционное *тамговое* начало изображения. Художественный стиль изделий захчинов покоряет органичной продуманностью уплощенной формы в самобытной трактовке мастера-резчика, творчески ее преображающего.

В ковше насчитывается, как правило, девять или тринадцать выемок, круглых или многоугольных, что представляет сакральную магию числа в культовой обрядности ойратов. Традиционно число 9 характеризует в целом культуру монгольских народов, в то время как число 13, как уже было отмечено, тесно связано с природным ландшафтом Западной Монголии, а именно с почитаемыми ойратами тринадцатью горными вершинами Алтая,

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

которым предназначено подношение белой пищи *цаган идээ.* Ежедневное возлияние молоком утром совершает женщина, начиная домашние и хозяйственные хлопоты или провожая хозяина в путь-дорогу, кропя стремена и благословляя его на благополучное и скорое возвращение.

Изделия захчинов выраженной резной формы несут знаки благожелательного характера *ульзий*, *хорол*, *цэцэг,* символизируя пространство бытия, традиционно ориентированное в отражении мира. Уплощенная рукоять оформлялась резными кругами тамгообразных родовых знаков *хас, алхан хэ, тавн нюдта тамг.* Подчеркнем ярусное расположение линейного резного декора, обусловленное осью плоскости, ее нижней части с изображением корней растения или хвостовой части рыбы. Архаику мироздания, воссозданного в двухмерном пространстве жертвенного кропила, дополняет детально разработанная символика восьми буддийских драгоценностей: Колеса Закона, Бумбы, Лотоса, Раковины, Рыб, Плетенки Счастья, Луны-Солнца, Штандарта с перевязью.

В деревянном изделии уникальной особенностью декоративного оформления могли быть двенадцать углублений (4 по 3), изысканно тонко вырезанные в виде острых углов четырехугольников, объединенных и в то же время разделенных большим тринадцатым в центре композиции. Уплощенное изображение подчеркнуто ярусной трактовкой по длине восьми драгоценностей буддизма, объединяющей форму изделия. Ковши большей частью вырезались из древесины хвойных деревьев и тонировались красно-коричневым цветом.

Самобытную выразительность несет художественная обработка *цацал* дербетов – многочисленной группы ойратов, в большинстве своем проживающих в аймаке Увс Западной Монголии. Округлой формы объем ритуальных ковшей четко структурирован, соответствуя—функциональному предназначению емкости и рукояти со знаковым завершением. При этом абрис изделий мог быть трансформирован размещением емкости под углом, а рукоять оформлена круглым объемом буддийской ваджры. По длине узкой рукояти с двух сторон размещается рельефное изображение животных двенадцатилетнего календарного цикла. Оно сопровождается вязью знаков ойратской письменности *тодо бичиг.* Молитва «Арван гурванатаа тахимуй. Хорин гурвахагаа тахимуй» заключает благопожелание плодовитости крупному рогатому скоту – материальной основе благополучия и достатка хозяйства номадов. Обрядовый характер резных мотивов декора выражается в почитании 13 самцов-верблюдов и 23

Рис. 2. **Кропильник цацал** (мастер Жигмедийн Цевег, XX в.; фото М. Амгалан, 2000 г.). Западная Монголия, аймак Ховд, сомон Манхан, захчины. Дерево, резьба, тонирование. Источник: [28]. Копирайт 2000, Монсудар. Воспроизводится в научных целях в объеме цитирования

Fig. 2. **Tsatsal sprinkler** (master Jigmediin Tseveg, 20th century; photo by M. Amgalan, 2000). Western Mongolia, Khovd aimag, Manhan soum, Zakhchins. Wood, carving, toning. Source: [28]. Copyright 2000 by Monsudar Publishing. Used under fair use

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE UCKOV
2026 NO. 1

Рис. 3-4. **Кропильники цацал** (рис. М. Амгалан, 2000 г.) Западная Монголия, аймак Увс, дербеты. XX в. Дерево, резьба, тонирование. Источник: [28]. Копирайт 2000, Монсудар. Воспроизводится в научных целях в объеме цитирования

Figs. 3–4. **Tsatsal sprinklers** (drawings by M. Amgalan, 2000). Western Mongolia, Uvs aimag, Derbets. 20th century. Wood, carving, toning. Source: [28]. Copyright 2000 by Monsudar Publishing. Used under fair use

молочных коров. Такие жертвенные ложки-кропители называются *тод бичигтэй цацал* (Рис. 3–4) [28, с. 148–149]; нанесенный на них молитвенный текст оформляется знаками ойрато-калмыцкой письменности *тодо бичиг*, появляющейся к середине XVII в. с принятием буддизма. В композиции резного декора обозначены и родовые тамги: плетенка *ульзий* и узор рогов *гулз/угалз.*

Своеобразно решена емкость ковша с девятью углублениями-лепестками лотоса вокруг пестика, размещенная на триаде *чандмань,* переходящей в круглую форму рукояти с ваджрообразным завершением. *Цэцгэн нудтэй цацал* дербетов несет резной рельеф буддийской символики с надписью благопожелания. Кропители *цацал* отмечены филигранной техникой резьбы, украшающей объем круглых форм. В узорной трактовке рукояти изделий элементы буддийской символики совмещены со знаками письма и изображением двенадцати животных лунного календаря. Многообразный декор сочетает фольклорные и буддийские мотивы, органично трактованные в обрядовой утвари. Оформление рукояти объемной резьбой *ваджры* – особенность буддийского декора в желто-коричневой тонировке изделия дербетов.

Отметим, что в сравнительном ряду культовых предметов выражена динамика развития образного мышления ойратов: от уплощенной линейной резьбы декора в архаике тамгообразных форм – к появлению круглого объема в рельефе образов календарного цикла со знаками *тодо бичиг* в сакральной символике буддизма. В резьбе по дереву ойратов запечатлены традиции разностадиальных истоков, объединивших время и пространство культуры ойратов рубежа XX–XXI вв. [6, с. 86–95]. Такова стилистическая выразительность декора, образующая локальное своеобразие художественного образа в изделиях номадов, акцентируемое в плоскостной трактовке архаа-

Рис. 5. **Кропильник цацал** (фото автора, 2007 г.) Западная Монголия, аймак Ховд, сомон Манхан, захчины. XX в. Дерево, резьба, тонирование; бронза, литье. Источник: [18]. CC-BY4.0

Fig. 5. **Tsatsal sprinkler** (author's photo, 2007). Western Mongolia, Khovd aimag, Manhan soum, Zakhchins. 20th century. Wood, carving, toning; bronze, casting. Source: [18]. CC BY 4.0

ики родовых тамг или развернутой в объеме буддийской символики резьбы.

Вместе с тем в ритуальных изделиях ойратов, захчинов и дербетов сохраняется целостное образное мышление в сочетании традиционных и канонических мотивов оформления. Выразительный тамговый декор испытывает влияние буддизма, вбирающего древние верования монголов, что значительным образом преображает художественные традиции обработки дерева. Форма ковшей *цацал* усложняется и совершенствуется, получая выраженную емкость кропильной части и рукояти ковша в объемной трактовке изделий. В резном декоре совмещены родоплеменные/фольклорные традиции, сохраняемые и дополняемые воспринятыми с буддизмом каноническими мотивами, вкупе формирующие многообразное мировидение и традиционный уклад жизни номадов.

Так, во время свадебного обряда в дербетском селении Давст Западной Монголии [18] использовались ковши разных размеров и формы, обвязанные синими хадаками из шелка (Рис. 5). Декоративное оформление могло сочетать изображения животных на рукояти в обрамлении *өлз,* плетенки Счастья, и меандра *алхан хээ* в движении слева направо *зөв эргэд* («по ходу Солнца»). Таковы обрядовые предметы (ПР-270/КП-728; ПР-336/КП-854) в собрании Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КИГИ (КНЦ) РАН, дар общества «Тод номын герл» ойратов Монголии. Кропители по традиции подвешиваются к решетчатой стенке жилища – над алтарем [18], указывая на духовную и функциональную значимость предметов в укладе жизни скотоводов.

* * *

В проведенном исследовании впервые на конкретном материале ритуальных ковшей-кропителей *цацал* проведен структурно-функциональный анализ резьбы по дереву ойратов Западной Монголии как целостного феномена пластического фольклора. В отличие от предшествующих работ, имевших в основном описательно-этнографический характер, акцент сделан на выявлении динамики стиля. Впервые доказано, что локальное своеобразие изделий напрямую связано с родоплеменной принадлежностью и некоторыми ландшафтными особенностями. Кроме того, впервые в научный оборот введены полевые материалы автора 2007 г.

Сравнительный анализ ритуальных ковшей-кропителей *цацал* у этнических групп захчинов и дербетов позволил проследить динамику развития художественных традиций. Выявленная динамика отражает линию эволюции орнамента от плоскостной линейной резьбы с тамгообразными знаками (захчины) к объемному рельефу с буддийской символикой (изображения ваджры, восьми драгоценностей и др.) и письменностью *тодо бичиг* (дербеты). Такой эволюционный переход позволяет сделать обоснованный вывод о преемственности и трансформации образного мышления ойратов под влиянием буддизма, который не вытеснил, но органично вобрал древние верования. Кроме того, четко зафик-

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com
NASLEDIE UCKOV
2026 NO. 1

сировано и локальное своеобразие: уплощенная, ярусная стилистика изделий захчинов отличается от округлой, скульптурно-объемной трактовки дербетов, что подтверждает возможность атрибуции памятников по их субэтнической принадлежности.

Декор рассмотренных нами изделий декоративно-прикладного искусства номадов одухотворен образным мышлением мастеров, самобытно объединяющих разные по своим истокам мотивы в пластике резьбы по дереву: как традиционные тамгообразные, так и более поздние – канонические буддийские. Стилистическая завершенность формы подчеркнута личностной окраской мировидения мастера, соединяющего художественные традиции, одновременное существование которых фиксирует процесс их преемственности. При анализе резьбы по дереву ойратов Монголии установлена закономерность исторического развития культуры. Художественный образ произведений при этом выступает этнокультурным явлением прикладного искусства [25, с. 41–45], рассматриваемого в системе традиционной культуры.

Таким образом, главный вывод заключается в том, что в резьбе по дереву ойратов сохраняется целостность традиционного мировидения, в пространстве которого фольклорные (тамги, сакральная геометрия чисел 9 и 13) и буддийские канонические элементы сосуществуют в едином художественном образе.

Архетипы «первообразного» мироощущения [1] [9] сохраняются в искусстве, сформированном этноинтегрирующими и дифференцирующими функциями традиций. Посредством этого осуществляется преемственность развития прикладного творчества, несущего ментальность культуры традиционного общества. В знаковой сути наследия, концентрируемой в прикладном творчестве, репродуцирована мифопоэтическая модель мира в «трансграничном» выражении художественного образа произведений декоративно-прикладного искусства ойратов Монголии.

Перспективы дальнейшего изучения проблемы усматриваются в проведении широких сравнительно-типологических исследований резьбы по дереву у всех монголоязычных народов (халха-монголов, бурят, калмыков) для выявления универсальных и локальных черт эволюции образного мышления. Кроме того, актуальной задачей представляется документирование и картографирование ареалов бытования различных типов *цацал* с фиксацией технологических приемов резьбы. Интересно и изучение рецепции архаических тамговых мотивов в современном декоративно-прикладном искусстве ойратов и их отражения в сувенирном производстве.

Svetlana G. BATYREVA
Dr. Sci. (Fine and Applied Art and Architecture), Prof.,
Kalmyk State University
named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russian Federation
sargerel@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4268-0705

Folklore and Buddhist Woodcarving Motifs in the Ritual Culture of the Oirats of Mongolia

Abstract. The aim of the study is to identify the dynamics of the development of artistic traditions of wood carving in the ritual utensils of the Oirats of Mongolia, using the example of ritual sprinkler ladles (*tsatsal*). The materials comprise unique works of applied art from museum collections in Russia and Mongolia, as well as the author's field materials collected during a research expedition to Western Mongolia (Khovd and Uvs aimags) in the early 21st century. Published works and albums devoted to Mongolian ornamentation were also used. The methodology combines structural-functional and comparative analysis with a semiotic and philosophical approach, which enables an interdisciplinary strategy

integrating art history, ethnoculturology, history, sociology, and philosophy. Specific monuments were examined – ritual wooden sprinkler ladles used among the Oirat groups of the Zakhchins and Derbets in Khovd and Uvs aimags. A comparative analysis of the artistic features of the artifacts from these two ethnic groups was performed. The dynamics of the evolution of figurative thinking under the influence of Buddhism were revealed, and the preservation of the integrity of the traditional worldview, in which folklore and canonical elements coexist within a single artistic image, is emphasized. For the first time, a structural-functional analysis of Oirat wood carving as an integral phenomenon of plastic folklore has been conducted on specific material. It is proven that the local distinctiveness of the artifacts is directly linked to tribal affiliation and certain landscape features: Zakhchin products are characterized by flat, tiered linear carving with *tamga*-like signs, while Derbet items feature three-dimensional relief with Buddhist symbolism (*vajra*, Eight Precious Things) and the Todo Bichig script. The revealed dynamics reflect the evolution of ornamentation from flat linear carving to volumetric relief, which allows for a well-founded conclusion about the continuity and transformation of Oirat figurative thinking under the influence of Buddhism – a religion that did not displace but organically absorbed ancient beliefs. The simultaneous existence of archaic and canonical motifs records the process of cultural continuity. The main conclusion is that the integrity of the traditional worldview is preserved in Oirat wood carving, within the space of which folklore elements (*tamgas*, sacred geometry of the numbers 9 and 13) and Buddhist canonical elements coexist in a unified artistic image.

Keywords: Mongolia, Oirats of Mongolia, decorative and applied art, artistic woodworking, wood carving, tsatsal, ritual sprinkler ladles, Buddhist symbolism.

Литература:

1. Аверинцев С. С. Архетипы // Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 1. С. 110–111.

2. Батсайхан Ц. О., Бесчастнов Н. П. Монгольские ковры: история, теория и методы проектирования. М.: Моск. гос. ун-т дизайна и технологии, 2016. 231 с.

3. Батырева К. П. Этнокультурные доминанты в формировании эстетики калмыцкого народного костюма: дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 207 с.

4. Батырева С. Г. Войлок в калмыцком быту, художественная обработка // Искусство войлока в тюркском мире: история и современность: материалы междунар. симпозиума «Искусство войлока в тюркском мире: история и современность» (Казань, 29–30 января 2009 г.) / авт.-сост. Р. Р. Султанова. Казань: Заман, 2013. С. 99–103.

5. Батырева С. Г., Гантулга Д. Цвет и пространство в традиционной культуре ойратов Монголии и калмыков России // Secreta Artis. 2021. Т. 4. № 2. С. 86–95.

6. Батырева С. Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX – начала XX вв. Элиста: Джангар, 2006. 160 с.

7. Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976. С. 66–74.

8. Вяткина К. В. Общие черты материальной и духовной культуры западных монголов, бурят и южных алтайцев. Сер.: Доклады VII Междунар. конгресса антропологических и этнографических наук (Москва, 3–10 августа 1964 г.). М.: Наука, 1964. 8 с.

9. Гамзатова П. Р. Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве. К проблеме культурного архетипа. М.: УРСС, 2004. 144 с.

References:

1. Averintsev, S.S. (1992) Arkhetipy [Archetypes]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 1. Moscow: Sov. entsiklopediya. pp. 110–111.

2. Batsaykhan, Ts.O. & Beschastnov, N.P. (2016) *Mongol'skie kovry: istoriya, teoriya i metody proektirovaniya* [Mongolian Carpets: History, Theory and Design Methods]. Moscow: Moscow State University of Design and Technology. 231 p.

3. Batyreva, K.P. (2008) *Etnokul'turnye dominanty v formirovanii estetiki kalmytskogo narodnogo kostyuma* [Ethnocultural Dominants in the Formation of the Aesthetics of the Kalmyk Folk Costume]. Cand. Diss. Moscow. 207 p.

4. Batyreva, S.G. (2013) Voylok v kalmytskom bytu, khudozhestvennaya obrabotka [Felt in Kalmyk Everyday Life and Artistic Treatment]. In: Sultanova, R.R. (comp. & ed.) *Iskusstvo voyloka v tyurkskom mire: istoriya i sovremennost'* [The Art of Felt in the Turkic World: History and Modernity]. Kazan: Zaman. pp. 99–103.

5. Batyreva, S.G. & Gantulga, D. (2021) Tsvet i prostranstvo v traditsionnoy kul'ture oyratov Mongolii i kalmykov Rossii [Colour and Space in the Traditional Culture of the Oirats of Mongolia and the Kalmyks of Russia]. *Secreta Artis*. 4 (2). pp. 86–95.

6. Batyreva, S.G. (2006) *Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo kalmykov XIX – nachala XX vv.* [Folk Decorative and Applied Art of the Kalmyks (19th – Early 20th Centuries)]. Elista: Dzhangar. 160 p.

7. Vaynberg, B.I. & Novgorodova, E.A. (1976) Zametki o znakakh i tamgakh Mongolii [Notes on Signs and Tamgas of Mongolia]. In: *Istoriya i kul'tura narodov Sredney Azii* [History and Culture of the Peoples of Central Asia]. Moscow: Nauka. pp. 66–74.

10. Гантулга Д. Художественная выразительность в орнаменте войлочных ковров // Искусство Евразии. 2017. № 6. С. 14–19.

11. Гантулга Д. Цветовая, числовая и образная символика монголов в контексте учения арга-билиг // Мир науки, культуры и образования. 2011. № 4 (29). С. 375–376.

12. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.) // Народы Сибири и Дальнего Востока. Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Акад. наук СССР. Новая серия. Т. 81. М.; Л.: Наука, 1963. С. 374–375.

13. Каган М. С. Искусство как феномен культуры // Искусство в системе культуры. Л.: Наука, 1987. С. 6–22.

14. Концепция IV Международного конгресса «Традиционная художественная культура: фундаментальные исследования народного искусства» (Ханты-Мансийск, 27–29 октября 2022 г.) // IV Международный конгресс «Традиционная художественная культура: фундаментальные исследования народного искусства»: коллект. моногр. М.: Рос. гос. художеств.-пром. ун-т им. С. Г. Строганова, 2024. С. 3–4.

15. Кореняко В. А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М.: Восточная литература, 2002. 327 с. (Культура народов Востока: материалы и исследования).

16. Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX вв. / отв. ред. С. В. Иванов. М.: Наука, 1979. 206 с.

17. Майдар Д. Памятники истории и культуры Монголии / отв. ред. А. П. Окладников. М.: Мысль, 1981. 174 с.

18. Полевые материалы автора. Научно-поисковая комплексная экспедиция Калмыцкого государственного университета. Западная Монголия, Ховд-, Увс-аймаки. 2007, август. Рукопись.

19. Ринчен Б. Из нашего культурного наследия. Улан-Батор: б. и., 1958. 150 с.

20. Семёнов Ю. И. Эволюция религии: смена общественно-экономических формаций и культурная преемственность / отв. ред. А. И. Першиц, Н. Б. Тер-Акопян // Этнографические исследования культуры. М.: Наука, 1985. С. 198–243.

21. Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 89–101.

22. Учение «арга билиг» как ось монгольской культуры: моногр. / под общ. ред. М. Ю. Шишина. Барнаул: Изд-во Алтай. гос. технич. ун-та, 2013. 181 с.

23. Хороших П. П. Материалы по орнаменту ольхонских бурят. Узоры на шитых работах. Иркутск: Тип. изд-ва «Власть труда», 1926. 9 с.

24. Цултэм Н.-О. Искусство Монголии с древнейших времен до начала XX века / под ред. Т. В. Сергеевой. М.: Изобразительное искусство, 1982. 232 с.

25. Щедрина Г. К. Искусство как этнокультурное явление // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л.: Наука, 1987. 272 с.

26. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1994. 144 с.

8. Vyatkina, K.V. (1964) *Obshchie cherty material'noy i dukhovnoy kul'tury zapadnykh mongolov, buryat i yuzhnykh altaytsev* [Common Features of the Material and Spiritual Culture of Western Mongols, Buryats and Southern Altaians]. Series: Reports of the 7th International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences. Moscow: Nauka. 8 p.

9. Gamzatova, P.R. (2004) *Arkhaicheskie traditsii v narodnom dekorativno-prikladnom iskusstve. K probleme kul'turnogo arkhetipa* [Archaic Traditions in Folk Decorative and Applied Art. On the Problem of Cultural Archetype]. Moscow: URSS. 144 p.

10. Gantulga, D. (2017) Khudozhestvennaya vyrazitel'nost' v ornamente voylochnykh kovrov [Artistic Expressiveness in the Ornament of Felt Carpets]. *Iskusstvo Evrazii*. 6. pp. 14–19.

11. Gantulga, D. (2011) Tsvetovaya, chislovaya i obraznaya simvolika mongolov v kontekste ucheniya arga-bilig [Colour, Numerical and Figurative Symbolism of the Mongols in the Context of the Arga-Bilig Teaching]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya*. 4 (29). pp. 375–376.

12. Ivanov, S.V. (1963) Ornament narodov Sibiri kak istoricheskiy istochnik (po materialam XIX – nachala XX vv.) [Ornament of the Siberian Peoples as a Historical Source (Based on Materials from the 19th – Early 20th Centuries)]. In: *Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Peoples of Siberia and the Far East]. Trudy Instituta etnografii imeni N.N. Miklukho-Maklaya [Transactions of the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography]. New series. Vol. 81. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 374–375.

13. Kagan, M.S. (1987) Iskusstvo kak fenomen kul'tury [Art as a Phenomenon of Culture]. In: *Iskusstvo v sisteme kul'tury* [Art in the System of Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 6–22.

14. Anon. (2022) Kontseptsiya IV Mezhdunarodnogo kongressa "Traditsionnaya khudozhestvennaya kul'tura: fundamental'nye issledovaniya narodnogo iskusstva" [Conception of the 4th International Congress "Traditional Artistic Culture: Fundamental Research of Folk Art"]. In: *IV Mezhdunarodnyy kongress "Traditsionnaya khudozhestvennaya kul'tura: fundamental'nye issledovaniya narodnogo iskusstva": kollektivnaya monografiya* [4th International Congress "Traditional Artistic Culture: Fundamental Research of Folk Art": Collective Monograph]. Moscow: Russian State University of Design and Applied Arts named after S.G. Stroganov. pp. 3–4.

15. Korenyako, V.A. (2002) *Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zverinyy stil'* [Art of the Peoples of Central Asia and the Animal Style]. Moscow: Vostochnaya literatura. 327 p. (Kul'tura narodov Vostoka: materialy i issledovaniya [Culture of the Peoples of the East: Materials and Research]).

16. Kocheshkov, N.V. (1979) *Dekorativnoe iskusstvo mongoloyazychnykh narodov XIX – serediny XX vv.* [Decorative Art of the Mongol-Speaking Peoples (19th – Mid-20th Centuries)]. Ed. by S.V. Ivanov. Moscow: Nauka. 206 p.

17. Maydar, D. (1981) *Pamyatniki istorii i kul'tury Mongolii* [Historical and Cultural Monuments of Mongolia]. Ed. by A.P. Okladnikov. Moscow: Mysl'. 174 p.

18. Author's Field Materials. (2007, 2022) *Nauchno-poiskovaya kompleksnaya ekspeditsiya Kalmytskogo gosudarstvennogo universiteta. Zapadnaya Mongoliya, Khovd-, Uvs-aymaki*. [Field materials of the author. Scientific research expedition of Kalmyk State University. Western Mongolia, Khovd and Uvs aimags]. Manuscript.

27. Этнографическое изучение знаковых средств культуры / отв. ред. А. С. Мыльников. Л.: Наука, 1989. 300 с.

28. Амгалан М. Барун монголчуудын эдийн соелын дурсгалт зуйлс [Памятники материальной культуры западных монголов]. Улаанбаатар: Монсудар, 2000. 212 х.

29. Баасанхуу Б.А. Монгол Алтайин бус нутгийн ард тумний эдийн соел [Материальная культура народов Монгольского Алтая]. Улаанбаатар: Монгол Алтай Судлалын Хурээлэн, 2006. 228 х.

30. Баатархуу Б., Одсурэн Д. Монгол гэр. Тайлбар толь [Монгольская юрта. Толковый словарь]. Улаанбаатар: Адмон Принт, 2015. 282 х.

31. Батчулуун Л. Монгол эсгий ширмэлийн урлаг [Искусство монгольского войлока и кошмы]. Улаанбаатар: Интерпресс, 1999. 499 х.

32. Батырева С. Халимагийн хээ угалзын тухай [О калмыцком орнаменте] // Халимагтуух, соел. Biblioteca oiratica V. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2007. Х. 180–184.

33. Баярмаа Ч. Монгол ардын хээ угалз: Өлзий хээ угалз [Монгольские народные узоры: символические орнаменты благополучия]. Улаанбаатар: s. n., 2010. 96 х.

34. Очир Т. А., Нанжид Б. Монгол туулийн уусэл, соелын давхарга [Истоки монгольской истории и культурные пласты]. Улаанбаатар: Admon Print, 2022. 290 х.

35. Эрдэнэцэцэг Ш. Баядын хуримлах ёсон [Свадебные обычаи баядов]. Улаанбаатар: Бемби сан, 2005. 108 х.

36. Batsukh B. Mongolian national ornament. Beijing: s. n., 2008. 273 p.

19. Rinchen, B. (1958) *Iz nashego kul'turnogo naslediya* [From Our Cultural Heritage]. Ulaanbaatar: s.n. 150 p.

20. Semenov, Yu.I. (1985) Evolyutsiya religii: smena obshchestvenno-ekonomicheskikh formatsiy i kul'turnaya preemstvennost' [Evolution of Religion: Change of Socio-Economic Formations and Cultural Continuity]. In: Pershits, A.I. & Ter-Akopyan, N.B. (eds) *Etnograficheskie issledovaniya kul'tury* [Ethnographic Studies of Culture]. Moscow: Nauka. pp. 198–243.

21. Toporkov, A.L. (1989) Simvolika i ritual'nye funktsii predmetov material'noy kul'tury [Symbolism and Ritual Functions of Material Culture Items]. In: *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic Study of Sign Systems of Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 89–101.

22. Shishin, M.Yu. (ed.) (2013) *Uchenie "arga bilig" kak os' mongol'skoy kul'tury* [The Arga Bilig Teaching as the Axis of Mongolian Culture]. Barnaul: Altai State Technical University. 181 p.

23. Khoroshikh, P.P. (1926) *Materialy po ornamentu ol'khonskikh buryat. Uzory na shitykh rabotakh* [Materials on the Ornament of the Olkhon Buryats. Patterns on Embroidered Works]. Irkutsk: Tip. izd-va "Vlast' truda". 9 p.

24. Tsultem, N.-O. (1982) *Iskusstvo Mongolii s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [Art of Mongolia from Ancient Times to the Early 20th Century]. Ed. by T.V. Sergeeva. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. 232 p.

25. Shchedrina, G.K. (1987) Iskusstvo kak etnokul'turnoe yavlenie [Art as an Ethnocultural Phenomenon]. In: Kagan, M.S. (comp. & ed.) *Iskusstvo v sisteme kul'tury* [Art in the System of Culture]. Leningrad: Nauka.

26. Eliade, M. (1994) *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. Translated from French by N.K. Garbovskiy. Moscow: Moscow State University. 144 p.

27. Myl'nikov, A.S. (ed.) (1989) *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic Study of Sign Systems of Culture]. Leningrad: Nauka. 300 p.

28. Amgalan, M. (2000) *Barun mongolchuudyn ediin soelyn dursgalt zuyls* [Monuments of Material Culture of Western Mongols]. Ulaanbaatar: Monsudar. 212 p.

29. Baasanhuu, B.A. (2006) *Mongol Altayin bus nutgiyn ard tumniy ediin soel* [Material Culture of the Peoples of Mongolian Altai]. Ulaanbaatar: Mongol Altay Sudlalyn Khureelen. 228 p.

30. Baatarkhuu, B. & Odsüren, D. (2015) *Mongol ger. Taylbar tol'* [Mongolian Yurt. Explanatory Dictionary]. Ulaanbaatar: Admon Print. 282 p.

31. Batchuluun, L. (1999) *Mongol esgiy shirmeliyn urlag* [Art of Mongolian Felt and Felt Mat]. Ulaanbaatar: Interpress. 499 p.

32. Batyreva, S. (2007) Khalimagiyn khee ugalzyn tukhay [On Kalmyk Ornament]. In: *Khalimagtuukh, soel. Biblioteca oiratica V*. Ulaanbaatar: Soyombo Printing. pp. 180–184.

33. Bayarmaa, Ch. (2010) *Mongol ardyn khee ugalz: Ölziy khee ugalz* [Mongolian Folk Patterns: Symbolic Ornaments of Well-Being]. Ulaanbaatar: s.n. 96 p.

34. Ochir, T.A. & Nanzhid, B. (2022) *Mongol tuuliyn uusel, soelyn davkharga* [Origins of Mongolian History and Cultural Layers]. Ulaanbaatar: Admon Print. 290 p.

35. Erdenetsetseg, Sh. (2005) *Bayadyn khurimlakh yoson* [Wedding Customs of the Bayads]. Ulaanbaatar: Bembi san. 108 p.

ISSN 2412-9798
www.heritage-magazine.com

36. Batsukh, B. (2008) *Mongolian national ornament.* Beijing: [s.n.]. 273 p.

Потенциальный конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interest disclosure
The author declares no conflict of interest

Доступность данных и материалов
Данные, использованные и/или проанализированные в ходе данного исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу

Data availability statement
Data used and/or analysed during this study can be obtained from the author on a reasonable request

Ссылка для цитирования (ГОСТ Р 7.0.5-2008):
Батырева С. Г. Фольклорные и буддийские мотивы резьбы по дереву в обрядовой культуре ойратов Монголии // Наследие веков. 2025. № 1. С.27–39. DOI: 10.36343/SB.2025.45.1.002.

For citation:
Batyreva, S.G. (2026) Folklore and Buddhist Woodcarving Motifs in the Ritual Culture of the Oirats of Mongolia *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 4. pp. 27–39. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2025.45.1.002.

Поступила в редакцию / Received 06.01.2026
Поступила после рецензирования / Revised 09.02.2026
Принята к публикации / Accepted 15.02.2026
Опубликована / Published 31.03.2026